

Ты мне звонишь

Ты мне звонишь, и мы молчим.
Произошел метана выброс.
Ты выбираешь гроб на вырост,
А я хочу купить кимчи.

Весь мир к смертям давно привык.
Поток скорбящих нескончаем.
И мы, захлебываясь чаем,
Читаем чемоданы книг.

Стихи уже запрещены,
Которых ты еще не слышал.
Лишь только дождь стучит по крыше
О том, что мы обречены.

Ты мне звонишь, и мы молчим.
И в этом есть свой плюс и минус,
Но у тебя коронавирус –
Так говорят твои врачи.

Белла

Твое имя зазвенело как колокол!
Но душа из тела вышла облаком.
Ты сама была нам больше колокола!
Ты как сажа была, Белла. Ты была!

Не читала стихи – ты нам их пела!
Пусть души твоей не вынесло тело,
Ты, как Феникс, возродишься из пепла,
Прогремишь еще с небес громом, Белла!

Мы провожаем год Быка

Мы провожаем год Быка,
За ним уже крадется Тигр
Ему на смену, а пока
Мы в центре их звериных игр.

Пусть год Быка нам мял бока,
Но жизнь влачил свою воловью.
Я поднимаю свой бокал,
Чтоб встретить Новый год с любовью!

Мы провожаем год Быка,
Болезни оставляя в прошлом.
И Новый год наверняка
Для всех сумеет стать хорошим!

В кафе

Продираясь сквозь заросли времени,
Оставляем в памяти метки.
От беды уберечься где бы мне?
Может, здесь, на бумажной салфетке?

За столом в кафе поэтическом,
Где раз в месяц я обязательно
Принимаю вид драматический
И других изучаю внимательно.

На салфетке царапаю строчки,
Убегая от страха стереться,
Где такие же одиночки
Западают зрителям в сердце.

Вот и все дела

– Почему ты плачешь?
Как твои дела?
– Разве ты не знаешь,
Фриске умерла.

Умер Бог и Ницше.
Что еще сказать?
Что деревья ниже,
Чем пять лет назад?

Крым – не Украина.
Я – уже не я.
Я живу в руинах
Смысла бытия.

Больше нет на карте
Моего села.
Я вступила в партию.
Вот и все дела.

В краю забытых душ

в стране печальных рож,
в краю забытых душ,
я знаю, ты живешь
и стонешь, Вечный муж.

покинутый давно
своей женой, детьми,
ты веришь все равно
в любовь между людьми.

как долог жизни дождь!
как много в жизни луж!
но ты, как прежде, ждешь
и веришь, Вечный муж.

храня свою мечту,
живя лишь ей одной,
ты не заметишь ту,
что Вечной есть женой.

уставши от всего,
ты будешь просто жить,
не ведая, кого
за жизнь благодарить.

инстинкты приглушив,
ты многое поймешь
о тех, кто тем и жив,
что ты еще живешь.

ты мне рукой сотрешь
растекшуюся тушь...
я знаю: ты живешь
в краю забытых душ.

Теория относительности

Я смотрю в окно: за окном темно.
И не видно дна – лишь глазное дно.
И не видно дня, лишь действительно
Все вокруг меня относительно.

И с позиции наблюдателя,
Жизнь прошла меня по касательной.
Выполняя безукоснительно
Лишь теорию относительно
Сти-хо-сложного разложения,
Где от «до» до «ля» – лишь движение!

И из этих вот из слагаемых,
В обстоятельствах предлагаемых,
Состою и я. И в мирах иных,
Может быть, сейчас я слагаю стих.

И Филатов был, «чтобы помнили».
Да – фотоны мы! Да – и волны мы!
И реликтовым излучением
О «начальности» изречение.

Еще помнится, как мы квакали,
Как квазары нам были кварками...
Бог сжигал мосты. Будто ластиком,
Постирал хвосты головастикам.

Телескоп ношу я вместо очков.
Докторов вердикт для меня таков:
То безумие, то прозрение –
Расширение с ускорением.

Умирал нейрон. В свой последний час,
Умирая, он отдавал наказ...
Смотрит мозг в окно сквозь обскуру глаз,
И свое кино крутится у нас...

Все идет по плану

Сегодня год, как тебя нет,
И все идет по плану.
Ты пропустил парад планет
И сбор марихуаны.

Сегодня год я не была,
Оправдывать себя не стану,
Там, где земля тебя взяла
И все пошло по плану.

Как море мертвое Арал,
Теряя к жизни соучастье,
Ты постепенно умирал,
Надежду потеряв на счастье.

В коробке с белым потолком
Остановилось сердце робко
Еще не знавшего о том,
Что вся Вселенная – коробка,

В которой год уже гниет
Его простая оболочка,
И только мать, как прежде, ждет
Прихода своего сыночка.

Задуло свечку на ветру.
Залечит время раны.
И я когда-нибудь к утру
Умру – ведь все идет по плану...

На карантине

Сидя дома на карантине,
Буратино пишет Мальвине
(Он повязки сейчас шьет из марли
И по почте их шлет папе Карле):

«Ты нужна мне, Мальвина, любая,
Будь ты лысая, будь голубая.
Я завел себе алабая
И панк-рок по ночам лабаю.

Помнишь курточку на дерматине?
Так я продал ее за полтинник.
Отощал я совсем на мивине, –
Так он жалуется Мальвине. –

Карабас подсел на спайс
В пансионате “Ананас”,
Он разучил “Собачий вальс”
И часто вспоминает нас.

Дуремар, ушедши в минус,
Переехал на Ямал,
Чтобы наш коронавирус
Там его не доставал.

Лиса Алиса поймана полицией –
Сейчас уколы делают в больнице ей.
Базилио на самоизоляции
Последние доел две консервации.

Артемон ушел в ОМОН,
Говорит, что счастлив он
И ему, служба в ОМОНе,
Лишь плюсы со всех сторон.

А я мечтаю о Сочах,
Там для меня горит очаг.
Я тут, в Крыму, совсем зачах
На голых щях».

Маяковский

разучился я
доверять весне
третий год подряд
ты не пишешь мне.

третий месяц вижу
я тебя во сне
в мартовскую жижу
превратился снег.

третий час пою
песнь весеннюю
нет, мне и в раю
нет спасения.

три минуты ждет
пистолет в столе
три секунды – вот
меня больше нет.

научи меня
доверять весне
появись в дверях
прислонись к стене.

проведи рукой
по моей спине
подари покой
в сказочной стране.

помоги понять,
почему же мне
сложно доверять
ветреной весне.